

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК IX

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета

2016

Главный редактор:

П.К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

А.П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А.К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

Т.Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О.М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Е.А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л.Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л.С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С.А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К.А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г.Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л.И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А.С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С.Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О.Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н.И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (Ph.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Ph.D) (Болгария, София)

*Журнал утвержден Научно-техническим советом
Алтайского государственного университета*

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковско-го. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Вып. IX. – 280 с.: ил.

ISSN 2307-4671

Представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №16-21-03001 «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
государственного университета, 2016

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL
AND RELIGION SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

IX ISSUE

Barnaul – 2016

Executive editor:
P.K. Dashkovskiy (doctor of Historical sciences)

The editorial Board:
A.P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A.K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
T.D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O.M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)
E.A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences
(Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:
L.N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
L.S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
S.A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
K.A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
G.G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
L.I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A.S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan,
Ust-Kamenogorsk)
D.S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)
O.Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)
N.I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedev, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

*The journal is approved by the Scientific and technical council
of Altai state University*

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2016. – IX issue. – 280 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Сериков Ю.Б.</i> Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала	7
<i>Ковалевский С.А.</i> О верованиях и обрядах ирменского населения	30
<i>Дашковский П.К.</i> Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований.....	42
<i>Серегин Н.Н.</i> Погребальный ритуал раннесредневековых тюрок Монголии	66
<i>Кожя М.Б.</i> Огузские поминальные храмы.....	85
<i>Илюшин А.М., Онищенко С.С.</i> Кипчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7.....	101
<i>Рыбаков Н.И.</i> Петроглифы горы Чуртаг и ее окрестностей	108

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Экологические аспекты туркменской охоты.....	122
<i>Бурнаков В.А.</i> <i>Ызых т тӧс’ы</i> – ‘Священные фетиши’ в культовой практике хакасов (конец XIX – середина XX в.).....	128
<i>Головизнин М.В.</i> Сибирское храмовое барокко в европейском Предуралье: случайность или обратное движение культурной волны с Востока на Запад	141
<i>Нуржанов А.А.</i> Истоки праздника Навруз	170

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Билотас В.</i> Католики Южной Сибири и Центральной Азии: места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в.....	182
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Политика духовных властей Томской епархии по активизации открытия и дальнейшего развития начальных	

церковных школ в сельской местности в конце XIX – начале XX в.	192
<i>Кацаева М.В.</i> Иудейские общины Юго-Западной Сибири в начале XXI в.	200
<i>Марсадолова Т.Л.</i> И.М. Сибиряков: от Сибири до Афона.....	208
<i>Почекаев Р.Ю.</i> «Заповедные места» в среднеазиатских ханствах по сведениям русских и путешественников XIX в.....	222
<i>Султанов Т.И.</i> Новый этап имперского политогенеза в Центральной Азии и его кризис (XIII–XVIII вв.)	233

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Дашковский П.К.</i> Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: концепция книги ...	254
<i>Погасий А.К.</i> Кому и как не нужно писать книги по религиоведению (рецензия на учебное пособие «Основы конфессиональных знаний».....	265
Список сокращений	271
Сведения об авторах	273

Раздел I

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Ю.Б. Сериков

*Нижнетагильский государственный социально-педагогический
институт, филиал РППГУ, Нижний Тагил*

САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КЛАДОВ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА

Приводится характеристика одиннадцати кладов каменных изделий, найденных на территории Урала. К эпохе мезолита относятся три клада, к неолиту – один, больше всего кладов энеолитических – четыре. В диапазоне неолит–энеолит датируются два клада. Один клад найден на памятнике бронзового века. Во всех кладах находилось 368 изделий из камня – наконечники стрел, рубящие орудия (топоры и тесла), нуклеусы, пластины, отщепы, поперечные сколы, заготовки, отбойник, песты. Самыми редкими находками являются «утюжок» и двухстворчатый абразив. Больше всего в кладах найдено наконечников и рубящих орудий. В четырех кладах залегали только орудия, в остальных присутствовали как орудия, так и заготовки с отходами производства. Анализ топографии, условий залегания и состава кладов позволяет предполагать ритуальный характер их захоронения. Наиболее вероятной версией автор считает использование кладов в качестве своеобразных маркёров символической границы между мирами, между освоенным и неосвоенным пространством.

***Ключевые слова:** клад, каменные орудия, топор, тесло, нуклеус, наконечник, маркёр, символическая граница.*

Клады до сих пор являются одним из самых загадочных видов археологических источников. Большая их часть обнаружена случайно. Исследователи по-разному интерпретируют и классифицируют клады: «клады-сокровища», «клады литейщика», «торговые клады», «ранцевый набор», «культовые клады», «вотивные клады» и т.д. (Клады..., 2002, с. 7–8). Определенные сложности имеются и в датировании находок, особенно кладов каменных изделий, относящихся к разным периодам каменного века.

На территории Урала известно уже свыше 10 кладов каменных изделий. Палеолитических кладов на Урале неизвестно.

С эпохой мезолита связано три клада. Все они происходят со Среднего Урала. Первый обнаружен автором на мезолитическом поселении Выйка-II (Свердловская обл.). Он выглядел в виде скопления диаметром около 15 см, в котором выявлено 17 пластин, 17 отщепов и 9 поперечных сколов с нуклеуса. Все изделия находились в вертикальном или почти вертикальном положении и плотно прилегали друг к другу. Залегали они в культурном слое (следы ямки отсутствуют) на глубине 8–28 см от современной поверхности на границе с очагом и имели следы термического воздействия (Сериков Ю.Б., 1988, с. 24).

Среди пластин присутствуют семь отсеченных верхних и три нижних частей, две пластины с отсеченными нижними частями и пять сечений (рис. 1.-1–16, 25). Причем только два сечения, обработанные по обоим краям крутой ретушью со спинки, имеют правильное граниение (рис. 1.-1). Остальные пластины неправильных очертаний и, по сути, являются отходами производства. Пластины имеют длину от 1,3 до 3,9 см. Ширина пластин колеблется от 1,1 до 2,3 см, но большая часть пластин находится в интервале 1,1–1,6 см – 13 экз. Следует отметить, что в пластинчатом комплексе поселения чаще всего использовались пластины шириной 0,5–0,7 см (53%), а пластины шириной свыше 1 см составляют чуть более 7%. Из орудий в кладе присутствуют срединный резец (рис. 1.-3), резчик с двумя клювовидными рабочими краями (рис. 1.-2) и 2 пластины с ретушью со спинки. Эти пластины склеились между собой (рис. 1.-1). Можно отметить, что еще две пластины склеились внакладку (рис. 1.-5, 12), а к одной подклеился небольшой обломок, найденный не в кладе, а на поселении (рис. 1.-7).

Поперечные сколы (за исключением одного) являются массивными экземплярами длиной от 4 до 7,5 см (рис. 1.-18–21, 23, 24). Причем, если измерять по оси скалывания, то длина поперечных сколов почти у всех изделий в 1,5–2,3 раза меньше их ширины. К одному поперечному сколу приклеился небольшой отщеп (рис. 1.-23). Большая часть отщепов имеет длину от 1,5 до 3,5 см, и только у двух длина превышает 5 см. На поверхности всех отщепов присутствуют белые пятна – результаты термического воздействия.

Все изделия сколоты с одного нуклеуса, который был изготовлен из плитки зеленоватой слабокремнелой породы типа алевротуфа. Следы плиточной корки сохранились на девяти пластинах, трех отщепах и четырех поперечных сколах. За пределами клада найдено пять изделий из такого же сырья: два поперечных скола (рис. 1.-17), пластина (рис. 1.-16) и два обломка пластин.

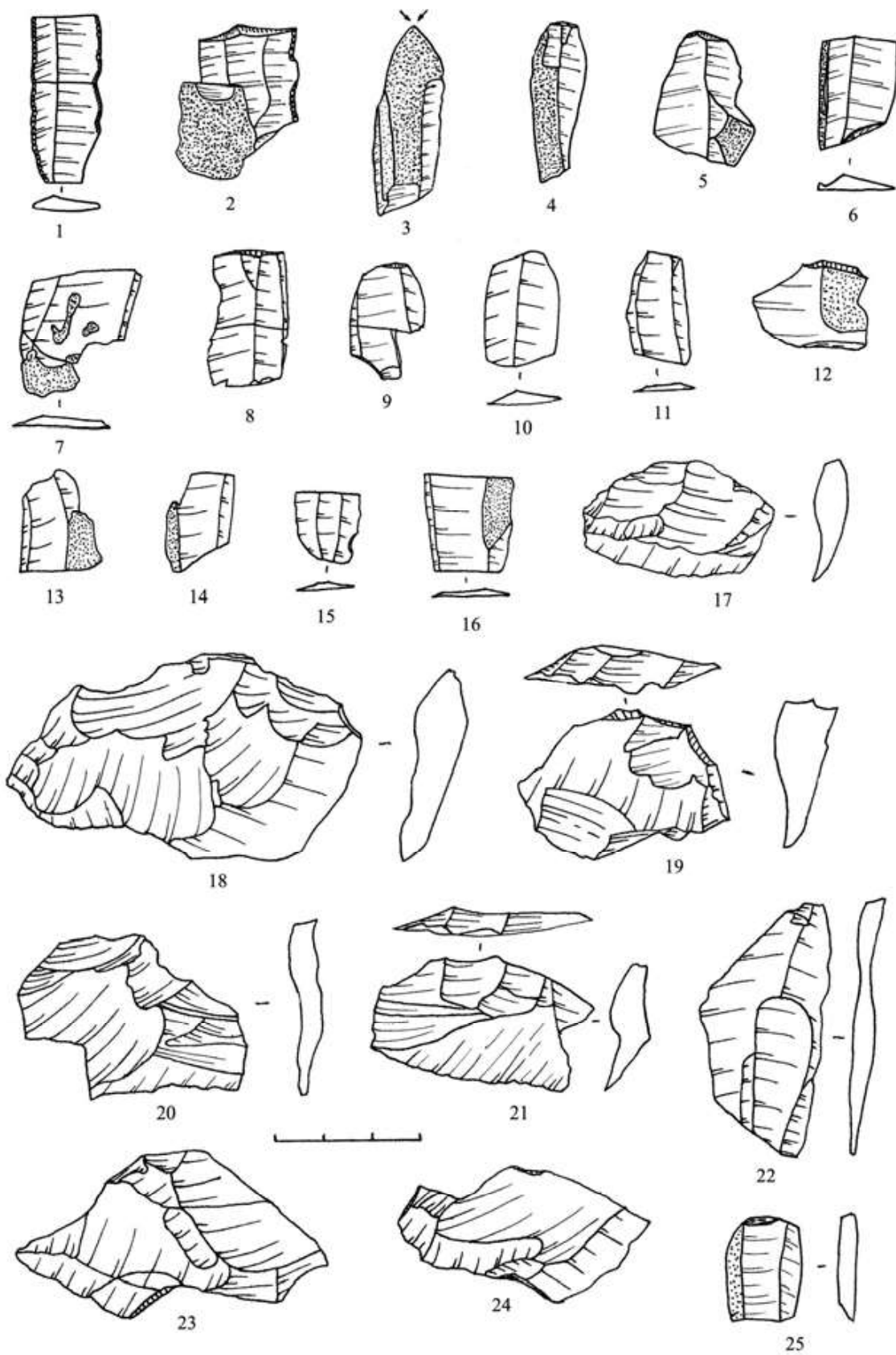

Рис. 1. Выйка-II. Клад каменных изделий (1–16, 25 – пластины; 18–21, 23–24 – поперечные сколы с нуклеусов; 22 – пластинчатый отщеп)

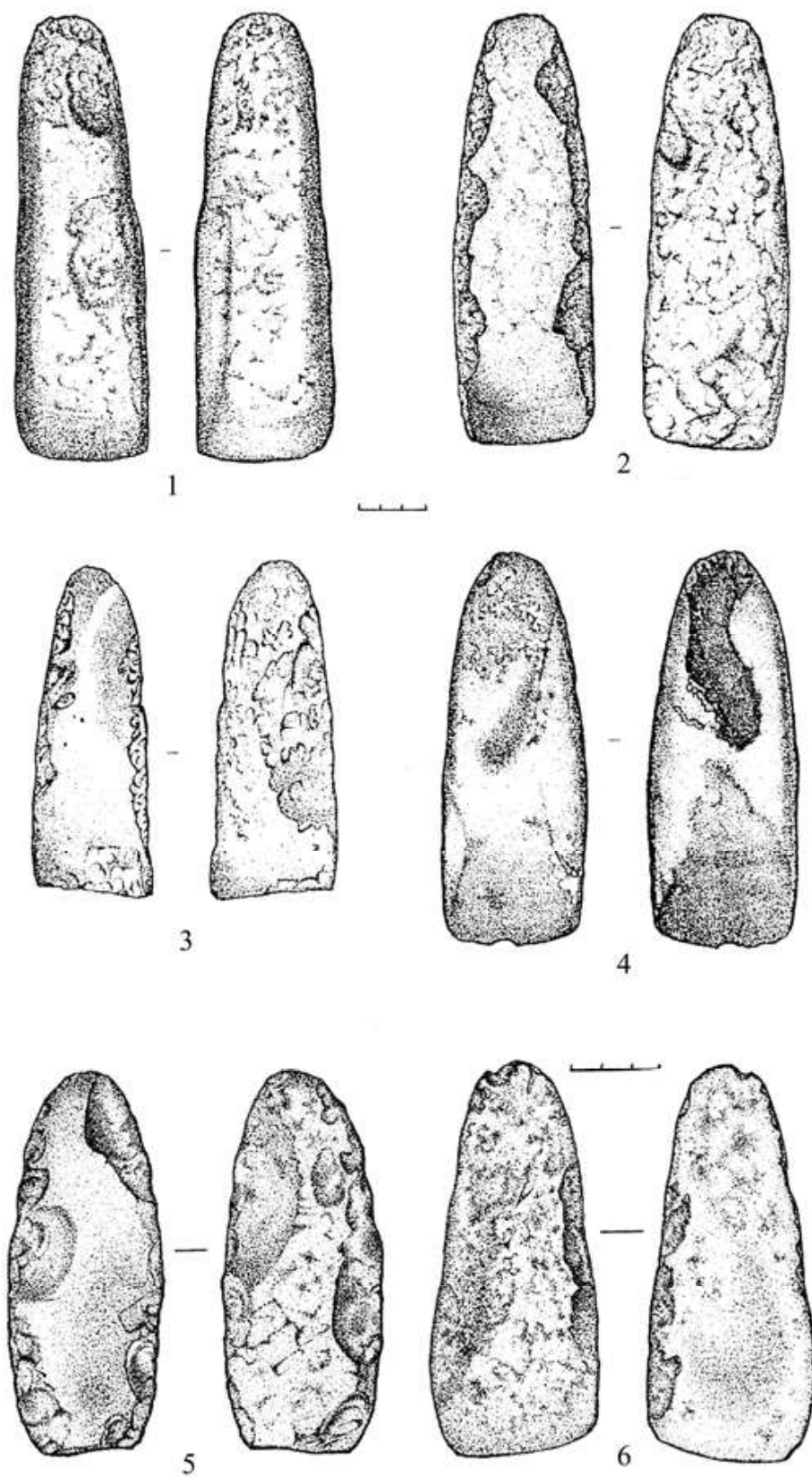

Рис. 2. Огурдино. Клад каменных топоров (1–6)
(по: Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., 2008)

Компактное расположение находок, их плотное и вертикальное залегание, нахождение рядом с очагом позволяет предположить, что данное скопление находок не является кладом в полном смысле слова. По всей видимости, это содержимое мешочка («ранцевый набор»), которое вместе с ним по какой-то причине попало в очаг, и впоследствии было в нем захоронено. Обычно в «ранцевый набор» входили изделия, которые древний охотник носил с собой – запасные орудия и заготовки, в том числе пластины и отщепы. Датируется клад эпохой мезолита, поскольку обнаружен в очажном комплексе однослойного мезолитического поселения. Аналогичные «ранцевые наборы» известны и на других территориях, так, три клада (финального палеолита, позднего мезолита и раннего неолита) выявлены в Тверской области (Синицына Г.В., 2000, с. 69–71).

Второй клад найден во время мониторинга известного мезолитического памятника западного склона Урала – поселения Огурдино (Пермский край). Клад залегал на периферии памятника в неглубокой ямке на самом краю второй надпойменной боровой террасы Камы. Состоит из шести топоров среднего и крупного размера. Их длина составляет 12,4 – 13,4 – 13,4 – 14,7 – 18,5 – 19,0 – 19,7 см. Ширина лезвий колеблется от 5,4 до 6,2 см, и только одно лезвие имеет ширину 3,6 см (рис. 2.-1–6). Сырьем для их изготовления послужили продолговатые гальки местной зернистой породы серого или зеленоватого цветов. Топоры обработаны оббивкой и техникой пикетажа с последующей частичной пришлифовкой поверхности. За исключением одного, все топоры имеют характерные следы использования. Авторы находки относят клад к эпохе мезолита (Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., 2008, с. 267–272).

Третий клад найден случайно при строительстве дороги. Находился он на склоне небольшой горы Трехскалка, в 320–330 м от ее вершины (окраина Нижнего Тагила) (Сериков Ю.Б., 2007, с. 113–116). Находки в виде скопления длиной около 40 см и шириной до 10 см располагались сразу под дерном на глубине 8–10 см в слое серо-коричневого супесчаного суглинка. Мощность залегания – не более 6–8 см. Никаких следов ямы не обнаружено. Материком является более плотный светло-коричневый суглинок с примесью камней. Тщательное обследование окрестностей клада показало полное отсутствие культурного слоя. Таким образом, данное скопление каменных изделий можно считать кладом. Всего в скоплении найдено 104 изделия: пять нуклеусов, отбойник, два скребка и 96 микропластинок.

Один нуклеус изготовлен из красно-зеленой яшмы хорошего качества. Он имеет форму правильного конуса высотой 5,4 см (рис. 3.-1). Ударная площадка имеет овальную форму, ее диаметр – 1,6–1,9 см. Количество негативов от сколотых пластин – десять. В коллекции присутствует 11 пластинок, сколотых с этого нуклеуса. Второй нуклеус склеен из двух расслоившихся фрагментов (рис. 3.-4). Его высота 2,2 см. Он имеет призматическую форму и предельную степень сработанности. В коллекции присутствует еще один нуклеус из такого же сырья – кремовой яшмы. По-видимому, он составлял с вышеописанным нуклеусом единое изделие (рис. 3.-5). Высота его – 1,4 см. В кладе присутствуют 54 пластинки, сколотые с этих нуклеусов. Анализ пластин показывает, что заготовкой для нуклеуса послужила плитка кремовой яшмы. Еще два нуклеуса изготовлено из галек чистого горного хрусталя (рис. 3.-2–3). Их высота 4,5 и 2,5 см, ширина соответственно – 2,7 и 2,9 см, толщина обеих – 2 см. Слегка скошенные ударные площадки образованы одним сколом, несколькими сколами подготовлены плоскости скалывания.

Отбойник (весом всего 30,5 г) представляет собой плоскую овальную гальку молочного кварца длиной 4,4 см (рис. 3.-8). Продольные концы гальки забиты от использования.

Оба скребка изготовлены на пластинах яшмы – полосчатой (красно-зеленой) и бурой. Скребок из полосчатой яшмы изготовлен таким образом, что одна грань пластины оказалась бурой, а вторая – зеленой. Лезвие скребка оформлено приостряющей ретушью, угол заострения лезвия – около 60°. На боковых краях пластины присутствует ретушь утилизации. Высота скребка 2,9 см, ширина – 1,4 см (рис. 3.-7). Скребок из бурой яшмы изготовлен из первичной пластины, имеет высоту 3 см, ширину – 1,1 см, угол заострения лезвия – около 65°. Он активно использовался для обработки кожи: лезвие скребка, место слома и боковые края сильно стерты и заглажены от долгого употребления. Им же работали и в качестве углового резца.

96 микропластинок по минеральному сырью происходят минимум от 11 нуклеусов (рис. 3.-9–36). Из разных видов яшмы (зеленой, серой, серо-зеленой, кремовой) изготовлено 88 пластин (91,7%). Преобладают изделия из кремовой яшмы неместного происхождения – 56,3%. Следует отметить, что похожая кремовая яшма в небольшом количестве встречена только на одном мезолитическом памятнике – Крутяки-I, расположенном на Черноисточинском пруду в 21 км к югу от Нижнего Тагила (Сериков Ю.Б., 2000, с. 78–79).

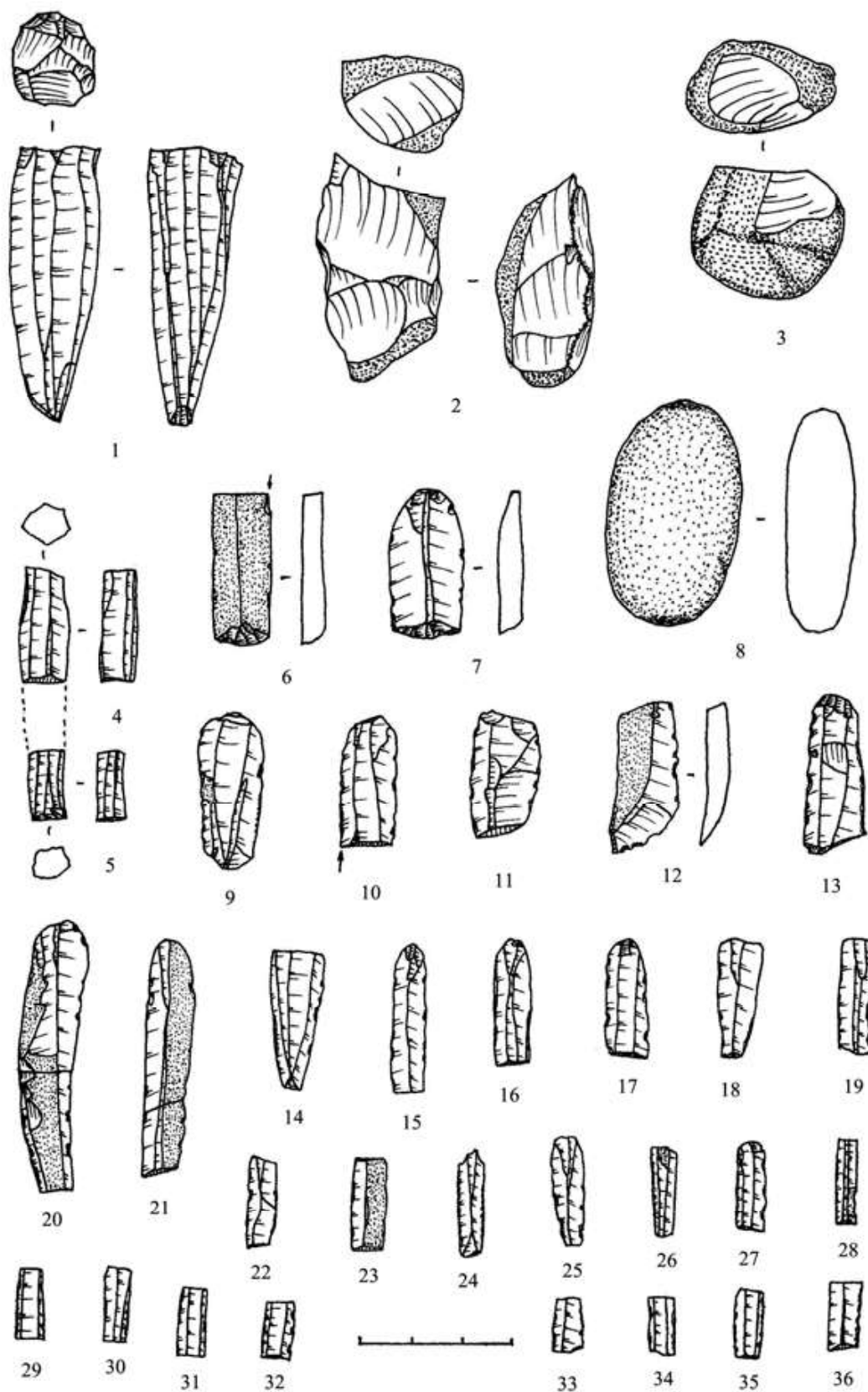

Рис. 3. Трехскалка. Клад каменных изделий
(1-5 – нуклеусы; 6-7 – скребки; 8 – отбойник; 9-36 – микропластинки)

Из кремня (черного и полосатого) и кремнистого сланца (черного) изготовлено по четыре пластинки – по 4,15%. Первичную корку имеют 28 пластинок (29,2%), ретушь отсутствует только на семи. На 86 пластинках по двум краям присутствует ретушь утилизации. Ретушью обработано 13 пластинок (на большинстве из них имеется и ретушь утилизации). Всего в коллекции 89 пластинок (92,7%) несут на себе следы использования. Ширина пластинок колеблется от 0,4 до 1,7 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,7 см – 59 экз. (61,5%). Пластинок шириной до 0,8 см в комплексе 71 экз. (74%), шириной до 1 см – 84 экз. (87,5%). Пластинки имеют длину от 0,6 до 3,5 см. С учетом того, что 12 пластинок склеились между собой в торец (попарно), их максимальная длина увеличилась до 5,3 см. Пластинок длиной до 2 см в коллекции 77 экз. (80,2%). Суммарная длина всех пластинок составляет 152,3 см. В коллекции представлены все части пластин: сечения – 52 (54,2%), отсеченные верхние части – 16, отсеченные нижние части – 9, с отсеченной верхней частью – 3, с отсеченной нижней частью – 14. Целых пластин всего две.

Особенностью данного комплекса является полное отсутствие в нем отходов обработки нуклеусов и отщепов. Учитывая, что свыше 90% пластинок имеют ретушь утилизации, их все можно отнести к вкладышам составных орудий. Принимая во внимание компактное залегание каменных изделий, можно предположить, что в кладе, кроме нуклеусов, скребков и отбойника, находилось несколько вкладышевых изделий. Их костяные оправы не сохранились, но по оставшимся вкладышам можно попытаться реконструировать их вид и количество. С учетом ширины и толщины пластин, а также минерального сырья, автор предполагает, что в кладе мог находиться двулезвийный кинжал, однолезвийный нож и шесть однолезвийных наконечников стрел. Если часть из них была двулезвийными, то их число могло сократиться до четырех. Безусловно, эта реконструкция представляет один из возможных вариантов (Сериков Ю.Б., 2007, с. 113–116).

Если сравнивать данный пластинчатый комплекс с материалами пещерного святилища на Камне Дыроватом, где найдено 3,6 тыс. вкладышей, то поражает их полное несоответствие. То, что пластинки из клада являлись вкладышами, сомневаться не приходится – 92,7% пластинок имеют следы использования. Но в отличие от вкладышей Камня Дыроватого пластинки из клада часто изогнутые, толстые, с первичной коркой, имеют неправильную форму и непараллельные края. Тогда как среди вкладышей Камня Дыроватого преобладают микропластинки правильного гранения, ширина которых составляет 0,4–0,5 см (70,7%), а сечений среди них – 97,4% (Сериков Ю.Б., 2009,

с. 82–86). Чем можно объяснить такие заметные различия в оформлении вкладышевых орудий, пока неясно. Вряд ли они связаны с разной хронологией памятников. Даже палеолитические вкладыши стоянки Талицкого и Черноозерья-II имеют гораздо более правильные очертания и стандартные размеры, чем вкладыши из клада Трехскалки. Не исключено, что в клад поместили изделия, специально подготовленные для жертвоприношения. Наличие в скоплении сильно сработанных нуклеусов из качественного сырья, подготовленных для обработки хрустальных нуклеусов и нестандартного комплекса пластин-вкладышей, подчеркивает неординарный характер данного клада. Учитывая стратиграфию залегания клада и его состав, комплекс уверенно можно отнести к эпохе мезолита.

Единственный клад эпохи неолита найден случайно на берегу Шайтанского озера (Свердловской обл.). Располагался он на границе с болотом у северной кромки мыса, на котором расположен культовый озерный центр Шайтанское озеро-I (Сериков Ю.Б., 2013, с. 11–59). Клад залегал на глубине около 20 см и был накрыт небольшой каменной плиткой размером примерно 30×20 см. В состав клада входили нуклеус, шлифованный топорик, нешлифованное тесло и заготовка утюжка.

Нуклеус высотой 16,7 см изготовлен из плитки светло-серой слабоокремнелой породы (рис. 4.-1). Относится он к типу торцовых трехфронтальных двухплощадочных. Одна ударная площадка прямая, вторая – скошенная. Размеры ударных площадок соответственно – 5,5×3,3 и 6×5 см. С площадок путем встречного скалывания снимались пластины шириной от 1,8 до 3,2 см (преобладают – 2,3–2,5 см). Такие крупные нуклеусы на территории Среднего Зауралья встречаются крайне редко.

Топорик имеет треугольную форму, его высота 8,3 см, ширина дугообразного лезвия 5,7 см (рис. 4.-3), боковые стороны обработаны двусторонней оббивкой, лезвие и часть боковых поверхностей отшлифованы. Тесло изготовлено из плитки камня путем двусторонней оббивки. На боковых поверхностях частично сохранилась первичная корка. Высота тесла 12,7 см, ширина 5,4 см. Имеет асимметричный профиль (рис. 4.-2). И топорик, и тесло несут на себе следы использования в работе. Оба рубящих изделия изготовлены из зеленоватого туфопопирита.

Утюжок выполнен из куска талька техникой пикетажа. Длина утюжка 12,5 см, высота 5,2 см, ширина в основании 4,7 см. Поперечный желобок, типичный для законченных изделий, в нем отсутствует (рис. 4.-4) (Сериков Ю.Б., 2008, с. 47–50).

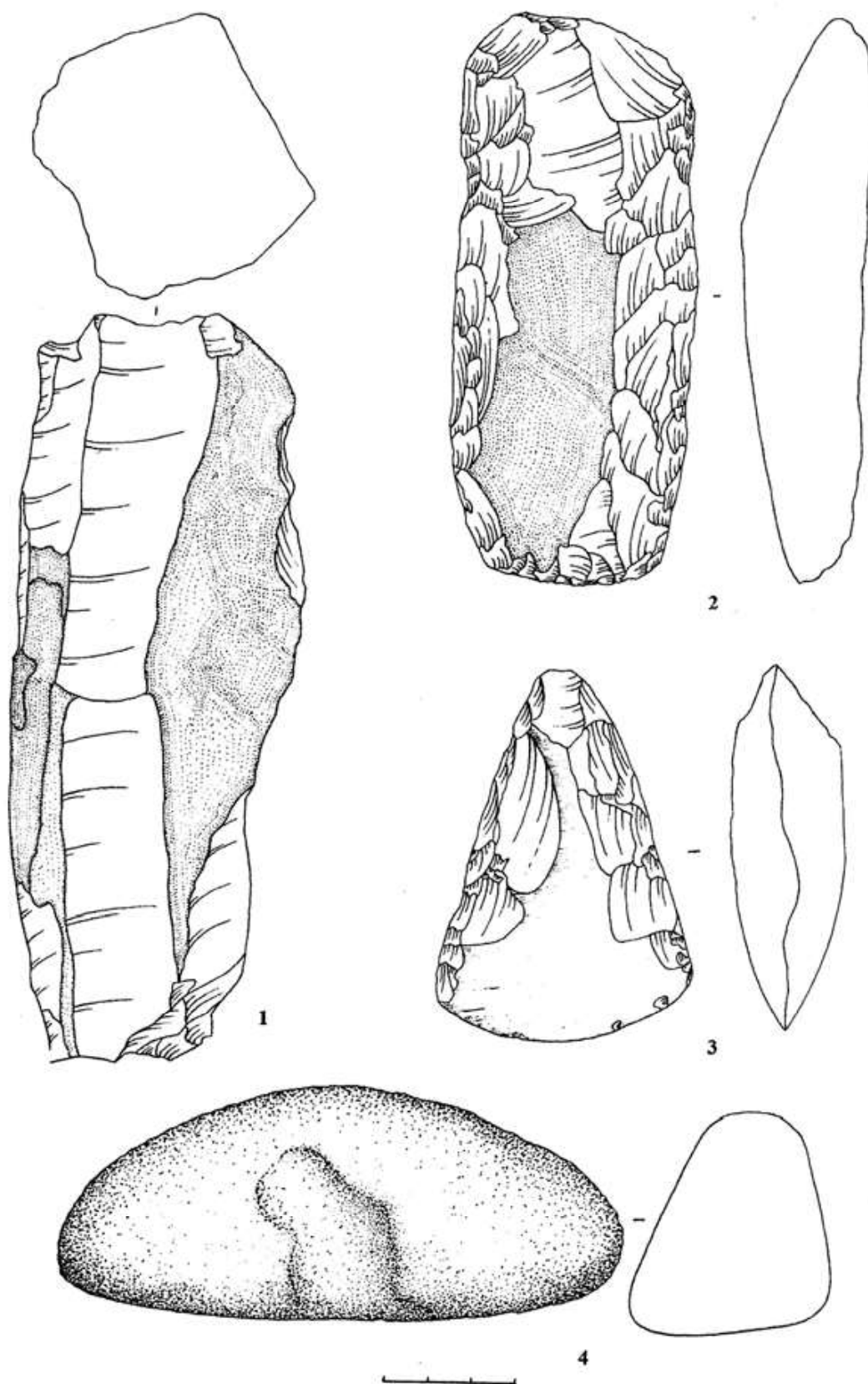

Рис. 4. Шайтанское озеро-I. Клад каменных изделий (1 – нуклеус; 2 – тесло; 3 – шлифованный топорик; 4 – заготовка «утюжка»)

Вопрос о хронологии клада решается довольно уверенно. Слабо окремненные сланцы светло-серых оттенков широко использовались в развитом неолите Среднего Зауралья. В связи с новыми источниками минерального сырья в это же время происходит и развитие крупнопластинчатой техники. На эталонных памятниках неолита Кокшаровском холме и Юрьинском поселении преобладают пластины шириной 1,8–2,5 см, встречаются также шириной до 3 см и более, а вот находки целых нуклеусов в развитом неолите очень редки: видимо, происходила их полная утилизация. Зато в неолитических комплексах присутствуют поперечные сколы и сколотые ударные площадки нуклеусов диаметром 5–7 см. Утюжок по всем направлениям имеет округлые очертания, что значительно отличает его от утюжков эпохи энеолита, для которых характерны резко очерченные угловатые формы, полученные обычно при помощи шлифовки, но утюжки именно таких очертаний, только выполненные из глины, представлены на культовом памятнике эпохи неолита – Кокшаровском холме (Шорин А.Ф., 2003, рис. 9.-1–4).

Еще один клад каменных изделий датируется каменным веком, но в широком хронологическом диапазоне – от мезолита до энеолита. Найден он при застройке дачного участка на территории Миасса Челябинской области. Никаких следов культурного слоя в районе клада не выявлено. В его состав входят десять рубящих орудий (восемь топоров и два тесла), два нуклеуса и состоящий из двух частей абразив (рис. 5.-1–14). Все рубящие орудия имеют широкое лезвие и зауженный обушок. Среди них присутствуют орудия, обработанные сколами, с частичной пришлифовкой и полностью отшлифованные. Изготовлены они из светло-серого туфоалевролита.

Среди топоров своими размерами и обработкой выделяются два изделия. Один топор имеет длину 24 см, ширину лезвия – 11 см. Его поверхность тщательно отшлифована со всех сторон (рис. 5.-9). Второй топор немного поменьше – его длина 20 см, ширина лезвия 9 см. Он также полностью отшлифован (рис. 5.-7). Остальные топоры имеют меньшие размеры – от 9 до 15 см (рис. 5.-1–5, 8).

Тесло (длина 14 см, ширина лезвия 6,5 см) по всей поверхности обработано сколами, пришлифовку имеет лишь лезвие (рис. 5.-10). Второе тесло длиной 10 см также обработано сколами, но с одной стороны пришлифовано (рис. 5.-6). Оба нуклеуса достаточно крупные, их размеры – 10×6×4 и 7×5×2 см. Они имеют слегка скошенные ударные площадки и негативы снятий микропластинок. Один нуклеус относится к типу призматических, второй – торцовый. Имеют по одной ударной площадке (рис. 5.-11–12). Изготовлены из зеленой яшмы (по определению авторов – из фтаноида).

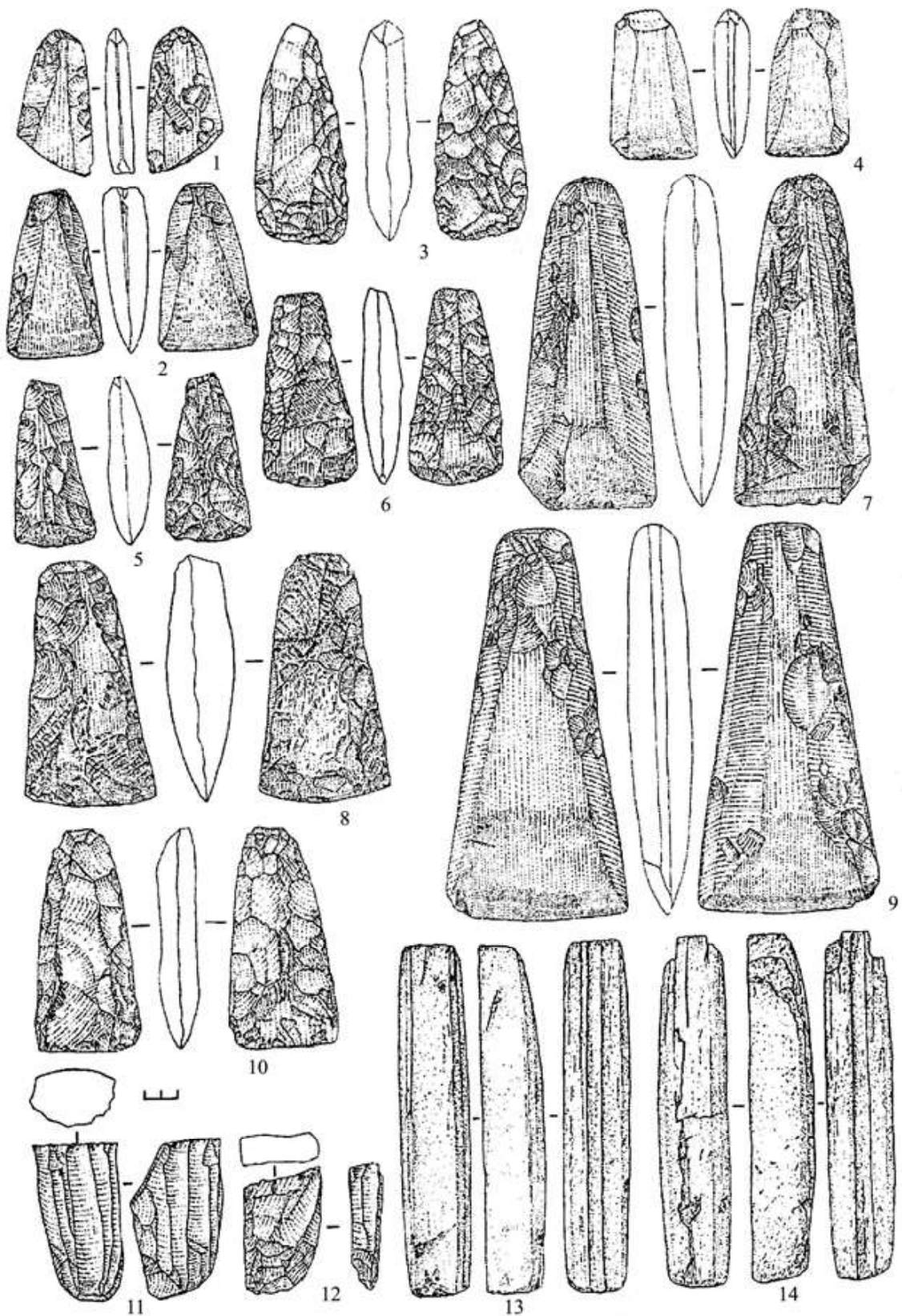

Рис. 5. Миасс. Клад каменных изделий (1–5, 7–9 – топоры; 6, 10 – тесла; 11–12 – нуклеусы; 13–14 – двустворчатый абразив) (по: Мосин В.С., Зайцев И.А., 2012)

Редкой находкой является составной абразив из песчаника длиной 21 см и шириной 4 см. Он состоит из двух частей, имеющих прямоугольную форму с закругленными углами. По внутренней стороне каждой из частей проделан неглубокий продольный желобок (рис. 5.-13–14).

По мнению авторов, имеющиеся материалы не дают возможности определить точную хронологическую привязку клада (Мосин В.С., Зайцев И.А., 2012, с. 152–154).

О трех кладах имеется неполная информация, иллюстрации изделий до сих пор не опубликованы. Относятся они к энеолитической эпохе. Два клада найдены Е.М. Берс на острове Макуша, расположенном среди болот у пос. Палкино в окрестностях Екатеринбурга. Первый клад найден на дне энеолитического жилища поселения Нижняя Макуша, расположенного на нижней площадке острова. В небольшой ямке на дне жилища лежали каменные топор и тесло, сверху прикрытые сланцевой плиткой (Берс Е.М., 1963, с. 42). Другой информации об этом клада нет. Предметы хранятся в фондах Свердловского областного краеведческого музея, но найти их пока не удалось.

Второй клад обнаружен под остатками сгоревшего энеолитического жилища на поселении Верхняя Макуша. Поселение расположено на вершине большой и широкой «каменной палатки». При раскопках жилища были обнаружены три больших камня, которые перекрывали яму с кладом каменных изделий. Порядок залегания находок подробно описан Е.М. Берс (1963, с. 46): «...под камнями лежала большая, в несколько килограммов весом, заготовка зеленокаменной породы со следами отпила каменной пилой. Наклонно к ней приставлена плитка сланца, а у заготовки и под плитой лежали орудия: большой, сделанный из зеленого камня полированный топор, тесло, скребок и 43 каменные стрелы различной величины и формы». По мнению Е.М. Берс, орудия были приготовлены для обмена. Датирует она их бронзовым веком (Берс Е.М., 1963, с. 47). Однако, как справедливо отмечает А.В. Шаманаев (2000, с. 41), по типам наконечников стрел его можно отнести к эпохе энеолита. Клад хранится в Свердловском краеведческом музее, но в связи с переездом фондов музея найти его пока не удастся.

Некоторое представление о кладах дает В.М. Раушенбах. В своей монографии она приводит рисунки четырех наконечников стрел и трех шлифованных рубящих орудий (Раушенбах В.М., 1956, рис. 16.-1–5, 16–17). Наконечники из клада имеют длину от 5 до 11,5 см, ши-

рину до 1 см. Изготовлены они в виде узких, сильно вытянутых треугольников с прямым, слегка закругленным или слабо выемчатым основанием. Три наконечника имеют листовидную форму. Все изделия обработаны двусторонней ретушью, причем три из них – хорошо выраженной пильчатой ретушью. Выполнены наконечники в основном из шиферного сланца (по В.М. Раушенбах; на самом деле из кремнистого сланца), серой яшмы (листовидные) и молочного кварца (2 экз.).

Шлифованные рубящие орудия (топоры-тесла, по В.М. Раушенбах) представлены двумя крупными изделиями длиной до 15 см. Одно орудие с пятигранным сечением, второе – с четырехгранным. Первое орудие имеет форму сильно вытянутой трапеции с шириной лезвия 7 см. Второе – форму прямоугольника. Судя по профилю, оба орудия являлись топорами. Третье орудие – небольшого размера (длинной 5,5 см) с шестигранным профилем и слегка расширенным рабочим лезвием, служило теслом. Все изделия тщательно отполированы, изготовлены из кремнистого сланца (Раушенбах В.М., 1956, с. 47). Здесь, по-видимому, опять неточность: в Среднем Зауралье для изготовления шлифованных рубящих орудий практически всегда применялся туфопорфирит зеленоватого цвета. Последнее орудие из клада В.М. Раушенбах определяет как массивное скребло (у Е.М. Берс – скребок) из кремнистого сланца.

Здесь необходимо привести некоторые пояснения. Раскопки Верхней Макуши производились в самом начале 50-х гг. прошлого века. На рисунке местности, приведенном Е.М. Берс, можно увидеть вершину горы со скалистым останцом («шиханом»). Под шиханом находится такая же скалистая площадка, на которой, по реконструкции Е.М. Берс, была сооружена полуземлянка. Причем, по ее мнению, она была вырублена в скале (Берс Е.М., 1963, с. 43–44; рис. 9). Во времена Е.М. Берс такие построения были вполне возможны. Однако спустя 50 лет мы знаем, что жилищ и поселений на вершинах гор и скал никогда не было. Судя по всему, на том месте располагалась культовая площадка. И набор находок из «жилища» (наконечники стрел и копий, подвеска, литейная форма, гребенчатые штампы) вполне соответствует известным в настоящее время культовым комплексам. Целая серия аналогичных культовых памятников, расположенных на скалистых шиханах, изучена автором на берегах Шайтанского озера (Сериков Ю.Б., 2013, с. 127–157).

Третий клад эпохи энеолита найден С.Н. Паниной на многослойном поселении Палатки-II, расположенном в верховьях р. Исети

недалеко от Екатеринбурга. В яме подпрямоугольной формы размером 1,6×0,6 м и глубиной 16 см от уровня дневной поверхности проживания населения аятской энеолитической культуры залежали 27 массивных заготовок черного слоистого сланца. Яма была заполнена углистым слоем и перекрыта прослойкой золы. Автор раскопок считает, что клад был просто забыт после того, как поселок уничтожил пожар (Панина С.Н., 1988, с. 27). Клад хранится в Свердловском краеведческом музее, восемь предметов из клада находятся в экспозиции. Автору удалось познакомиться с частью клада, причем две плитки удалось склеить в одну, более крупную.

Аналогичный клад обнаружен на многослойном памятнике Палатки-I, который находится на острове Каменные палатки в окрестностях Екатеринбурга (Викторова В.Д., 2004, с. 144–151). В щели скального выхода было выявлено скопление каменных изделий. Данная щель между гранитными плитами имела ширину 15 см и на глубину до 30 см была забита изделиями и заготовками из плиток углистого сланца. Учитывая изолированное местонахождение данного комплекса, его можно трактовать как клад.

Всего в скоплении находилось два орудия, два незаконченных изделия (наконечник и острие), 43 плитки сланца со следами обработки, десять необработанных плиток и три отщепа (рис. 6.-1–10). Орудия представлены ножевидной пластиной длиной 5,5 см и комбинированным орудием: нож – боковой скребок.

Учитывая состав минерального сырья и характер его обработки, а также тот факт, что на памятнике зафиксированы следы семи мастеровских по изготовлению орудий из углистого сланца, можно предположить, что данный комплекс имел производственный характер и представлял собой запас сырья одного из мастеров. По современной классификации кладов он относится к типу орудийно-технических (Риман Е.С., 2009, с. 437–440). В то же время его местонахождение в щели северо-восточного скального выступа (а северо-восточная часть культовых памятников являлась наиболее сакральной частью), позволяет допускать и сакральное назначение данного комплекса. Клад мог служить культовым маркером на границе обжитого и необжитого пространства (Сериков Ю.Б., 2007а).

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности клада осложняется многослойностью памятника. Тем не менее, учитывая широкое использование плиток углистого сланца в эпоху энеолита, клад можно отнести именно к этому времени (Викторова В.Д., Сериков Ю.Б., 2011, с. 415–417).

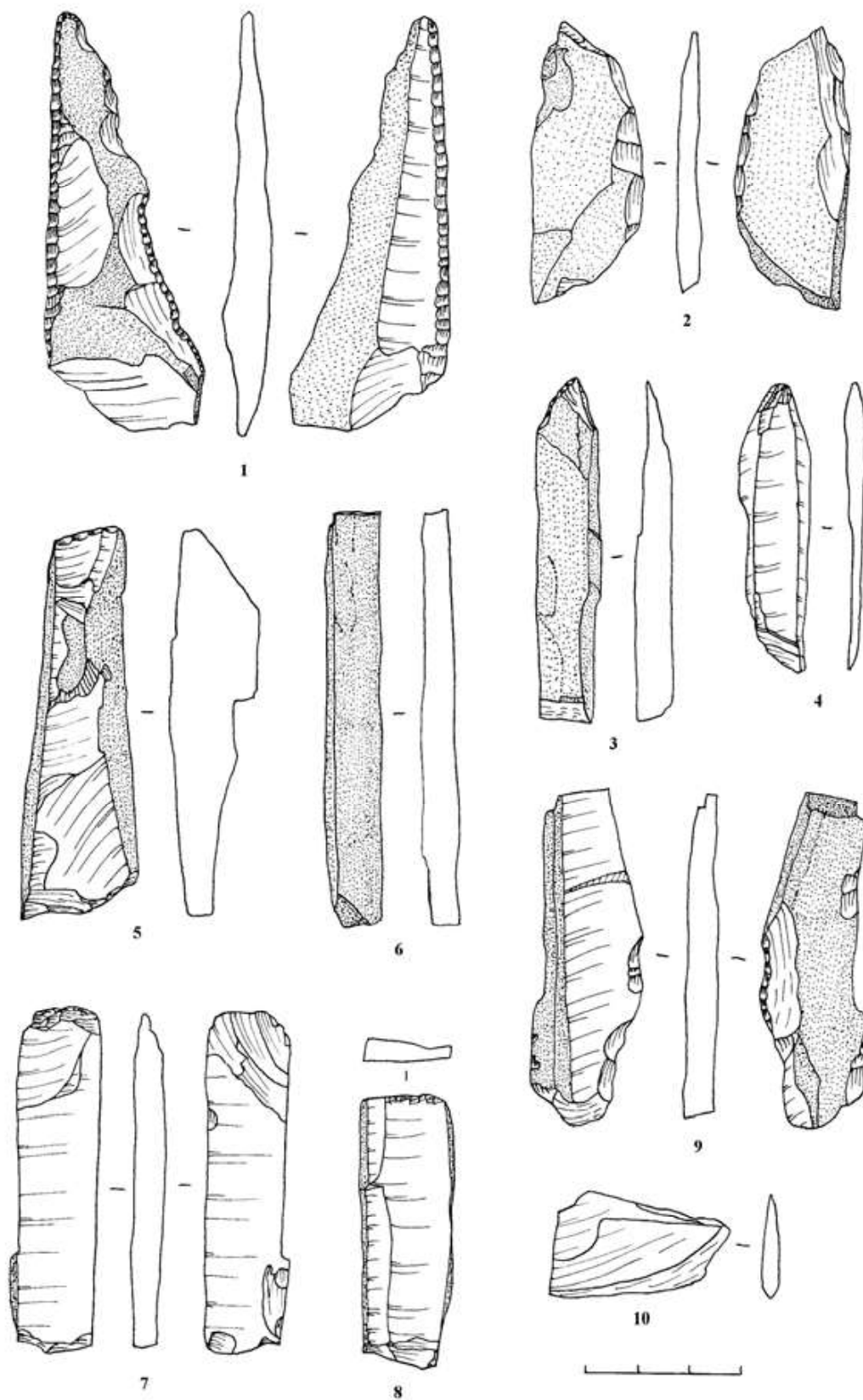

Рис. 6. Палатки-I. Клад каменных изделий
 (1 – нож – боковой скребок; 2–3 – заготовки орудий; 4 – пластина;
 5, 7–8 – расщепленные плитки сланца с обработкой с торца)

Еще один клад найден также случайно на останце террасы вблизи д. Чишма (Республика Башкортостан). В компактном скоплении на глубине 35–40 см находились 20 целых и 13 сломанных наконечников стрел, тесло, обломок песта и 10 сколов (рис. 7.-1–29). Наконечники имели листовидную форму с округлым и заостренным основанием, обработаны сплошной двусторонней ретушью. Изготовлены они из зеленой и сургучной яшмы и кремня темных оттенков. Длина наконечников – от 4 до 9,5 см (рис. 7.-1–22, 24–29). Тесло тщательно зашлифовано, относится к типу желобчатых. Его длина 8 см, ширина лезвия 3,5 см (рис. 7.-23) (Морозов Ю.А., 1982, с. 214–215). Другой информации о кладе нет. По форме наконечников и тесла клад можно отнести к эпохе энеолита.

На поселении бронзового века Балакино-I, расположенном на берегу Тагила в окрестностях Нижнего Тагила (Свердловская обл.), выявлен клад пестов. Это второй на Урале однокомпонентный (состоящий из изделий одного наименования) клад каменных изделий и пока единственный, относящийся к бронзовому веку. В кладе находилось девять пестов (рис. 8.-1–3), которые залежали компактно тремя рядами друг над другом на глубине от 6 до 18 см. Длина пестов колеблется от 26,5 до 35 см, преобладают песты длиной 31–35 см – 7 экз. Вес пестов имеет значительный разброс – от 1,2 до 2,7 кг. Но вес шести пестов укладывается в 1,9–2,7 кг. Изготовлены песты из зеленоватой породы типа туфоалевролита (5 экз.) и сланцев (4 экз.) (Серигов Ю.Б., 2012, с. 37–42).

Таким образом, на территории Урала в настоящее время известно 11 кладов каменных изделий. На Северном Урале кладов с камнем пока не обнаружено, на Южном найдено всего два клада. Больше всего кладов зафиксировано на Среднем Урале – девять. Причем, за исключением одного, все выявлены на восточном склоне Среднего Урала.

Самые ранние клады относятся к мезолиту (три), неолитический клад один, больше всего кладов энеолитических – четыре. Два южноуральских клада датируются в пределах неолита-энеолита. И только один клад найден на памятнике бронзового века.

Четыре клада можно отнести к орудийным, в них залежали только орудия (Огурдино, Верхняя и Нижняя Макуша, Балакино). В остальных кладах присутствовали как орудия, так и заготовки с отходами производства. Такие клады отнесены к орудийно-техническим.

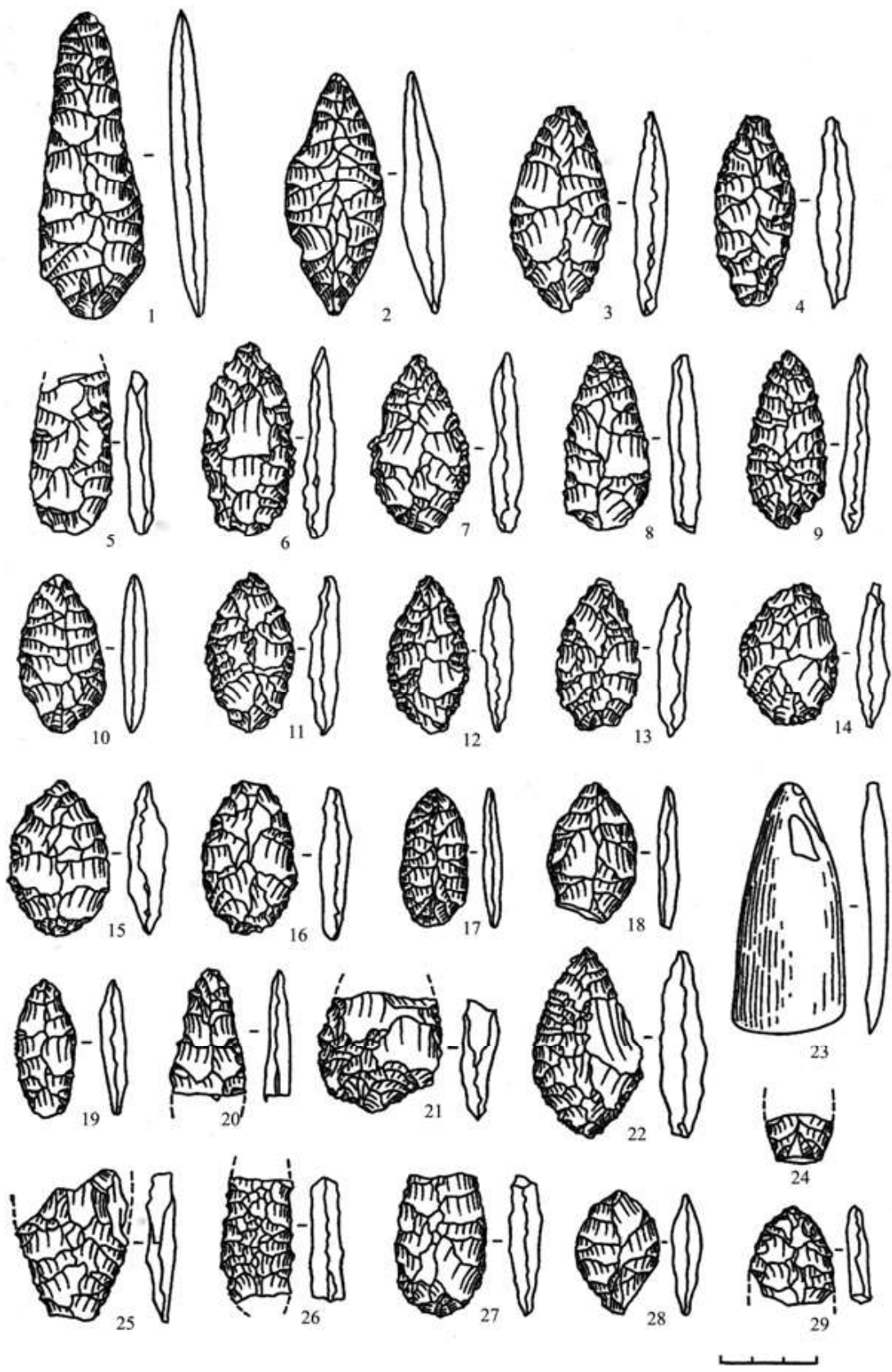

Рис. 7. Чишма. Клад каменных изделий (1–22, 24–29 – наконечники стрел; 23 – тесло) (по: Морозов Ю.А., 1982)

Рис. 8. Балакино-I. Клад каменных пестов (1–3)

Всего в 11 кладах находилось 368 изделий из камня – наконечники стрел, рубящие орудия (топоры и тесла), нуклеусы, пластины, отщепы, поперечные сколы, заготовки, отбойник, песты. Самыми редкими находками можно считать «утюжок» и двухстворчатый абразив. Больше всего в кладах найдено наконечников и рубящих орудий. Но если 76 наконечников залегали в двух кладах, то 17 топоров и тесел находились в пяти. Причем в кладах всех эпох: от мезолита до энеолита.

Следует подчеркнуть, что клады рубящих орудий (топоров и тесел) являются самыми распространенными в России. Они были

достаточно распространены как к западу, так и к востоку от Урала: Кисловский клад топоров в Винницкой области (Макаревич М.Л., 1964, с. 208–212), Новогеоргиевский клад топоров в Орловской области (Тихонов Б.Г., 1968, с. 242–245), Денежниковский клад тесел в Луганской области (Шестаков В.И., 1999, с. 203–206). Топоры присутствовали в Игреном кладе около Днепропетровска (Ковалева И.Ф., 1961, с. 246), в кладе у с. Коропово в Харьковской области (Бородулин В.Г., 1980, с. 63–66). Тесла найдены в Чепкульском кладе в Тюменской области (Скочина С.Н., 2007, с. 4–5), Сергушкинском кладе в Красноярском крае (Привалихин В.И., 2011, с. 150–160), в кладе на памятнике Артемовский-птицефабрика в Приморье (Бродянский Д.Л., Попов А.Н., 2011, с. 168–174) и в кладе Аксу в Притоболье (Калиева С.С., 1988, с. 242).

Причины сокрытия кладов у разных народов и в разные эпохи, по всей видимости, были различны. В настоящее время клады делят на «возвратные», которые считались сокровищем и закапывались с целью сохранения, и «безвозвратные» («культовые»), которые являлись жертвами (приношениями).

В мифопоэтической традиции охрана освоенного пространства решалась путем обхода территории по периметру, созданием одного или нескольких основных центров, а также освящением ключевых точек нового пространства. Эти точки маркируются помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства (Топоров В.Н., 1994, с. 341).

Анализ топографии и условий залегания выявленных кладов вполне обоснованно позволяет считать их жертвенными комплексами, которые являлись культовыми маркерами и охранителями на границе освоенного и неосвоенного пространства. Клад топоров в Огурдино, как и клад пестов в Балакино, находился на кромке берега реки, неолитический клад Шайтанского озера-I найден на границе с болотом, т.е. во всех случаях на символической границе между мирами, так как мир воды считался чужим миром. Клад на энеолитическом поселении Палатки-II, наоборот, был закопан в напольной части мыса в нескольких десятках метров от береговой линии и соответственно маркировал границу между своим (освоенным) и чужим (неосвоенным) мирами. Клад на Верхней Макуше был спрятан на скальном выходе озерного острова, т.е. на границе между верхним и средним мирами (Сериков Ю.Б., 2007а, с. 224–233). Клады медных изделий на вершинах гор и скал хорошо известны на территории Среднего Зауралья, но характерны уже для раннего железного века (Викторо-

ва В.Д., 2004а, с. 158–173). Особенности местонахождения южно-уральских кладов (Миасс и Чишма) автору неизвестны, поэтому их интерпретация пока преждевременна.

Не совсем понятна семантика кладов с горы Трехскалки. Обычно клады находят на территории памятника или вблизи его, но эти не привязаны ни к стоянке, ни к поселению, ни к святилищу. Ритуальный характер клада с Трехскалки подчеркивается наличием в нем двух хрустальных нуклеусов. С одной стороны, он может определять символическую границу между верхним и средним мирами (находится на горе), а с другой – являться маркером освоенного пространства, но не поселения, а территории определенной социальной группы. И тогда данный клад может представлять редкий случай обнаружения своеобразного «пограничного столба», найти который специальными поисками вряд ли возможно, но которые теоретически вполне вероятны (Байбурин А.К., 1989, с. 82–86).

Таким образом, по мнению автора, все уральские клады каменных изделий (за исключением «ранцевого набора» с Выйки-II) относятся к культовым, которые маркировали символическую границу между мирами, между освоенным и неосвоенным пространством.

U.B. Serikov

SAKRAL ASPECT OF THE BURIED TREASURES OF STONE ARTEFACTS ON THE TERRITORY OF URAL

In this article author gives a characteristic of 11 buried treasures of stone artefacts which were found on the territory of Ural. Three buried treasures relate to Mesolithic, one – to Neolithic, four – to Copper Age. Two of the buried treasures could be date in range of Neolithic to Copper Age. One buried treasure was found on the settlement of Bronze Age. In all of the buried treasures 368 stone artefacts were found. Among them there were arrow heads, instruments for cutting (axes and adzes), nucleuses, plattens, flakes, transverse chips, blanks, hammerstones, tampers. The most rare findings are «iron» and double abrasive. Arrow heads and instruments for cutting are the most numerous findings. In four buried treasures only instruments were found, in the rest of them instruments were found as well as blanks and wastes of manufacturing. Analysis of topography, conditions of location and composition of buried treasures let us suppose its sacred character. In the author's opinion the most probable version is usage of buried treasures like peculiar markers of symbolic border between the worlds, between learned and un learned space.

Key words: *buried treasure, stone artefacts, axe, adze, nucleus, arrow head, marker, symbolic border.*

Библиографический список

Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–87.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. 116 с.

Бородулин В.Г. Скарб крем'яних знарядь з с. Коропове на Харківщині // Археологія. 1980. Вып. 35. С. 63–66.

Бродянский Д.Л., Попов А.Н. Клад раннезайсановских артефактов на памятнике Артемовский-птицефабрика в Приморье // Вестник НГУ. Сер.: История, философия. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 168–174.

Викторова В.Д. Культурные озерные памятники // Культурные памятники горнолесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 144–157.

Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культурные памятники горнолесного Урала. Екатеринбург, 2004а. С. 158–173.

Викторова В.Д., Сериков Ю.Б. Клад каменных изделий с многослойного памятника Палатки-I // Экономико-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Березники, 2011. С. 415–417.

Калиева С.С. Клад Аксу в степном Притоболье // СА. 1988. №2. С. 240–243.

Клады: состав, хронология, интерпретация: мат. темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002. 252 с.

Ковалева Н.Ф. Клад кремневых орудий из окрестностей г. Днепропетровска // СА. 1961. №4. С. 245–249.

Макаревич М.Л. Клад крем'яных сокир // Археологія. Т. XVI. Київ, 1964. С. 208–212.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В. «Клад» топоров из мезолитического поселения Огурдино // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 267–272.

Морозов Ю.А. Клад каменных орудий на р. Уршак // СА. 1982. №4. С. 214–215.

Мосин В.С., Зайцев И.А. Клад рубящих орудий с Южного Урала // РА. 2012. №1. С. 152–154.

Панина С.Н. Палатки-II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 18–29.

Привалихин В.И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 150–160.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 29. 150 с.

Риман Е.С. Классификация кладов Среднего Урала // Классификация кладов Среднего Урала // Регионы России: экономика, культура, история: мат. междунар. науч.-практ. конф. Березники, 2009. С. 437–440.

Сериков Ю.Б. Выйка-II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. 1988. №1. С. 17–32.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000. 430 с.

Сериков Ю.Б. Клад эпохи мезолита с окраины Нижнего Тагила // XVII Уральское археологическое совещание: мат. науч. конф. Екатеринбург, 2007. С. 113–116.

Сериков Ю.Б. Культурные объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007а. С. 224–233.

Сериков Ю.Б. Случайная находка с Шайтанского озера // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: мат. темат. науч. конф. СПб., 2008. С. 47–50.

Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009. 368 с.

Сериков Ю.Б. Клад пестов со стоянки бронзового века Балакино-I (окрестности Нижнего Тагила) // Уфимский археологический вестник. 2012. №12. С. 37–42.

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013. 408 с.

Синицына Г.В. «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: тез. докл. междунар. конф., посвящ. памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. СПб., 2000. С. 69–71.

Скочина С.Н. Клады каменных изделий на памятниках Нижнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2007. Вып. 8. С. 4–8.

Тихонов Б.Г. Новогеоргиевский клад клиновидных топоров // СА. 1968. №2. С. 242–245.

Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 2. С. 340–342.

Шаманаев А.В. Клады каменного сырья и изделий: проблемы интерпретации // Документ. Архив. История. Современность: мат. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 40–43.

Шестаков В.И. «Клад» кремневых тесел у села Денежниково Новоайдарского района Луганской области и его научное значение // История глазами молодых исследователей: сб. науч. работ междунар. науч. конф. Донецк, 1999. Т. I. С. 203–206.

Шорин А.Ф. Кокшаровский холм – новый тип культовых комплексов в Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003. С. 87–102.